

Ссылка на фотоархив: <http://fotki.yandex.ru/users/sdrv2002/album/167079/slideshow>

Десять винтовок на весь батальон
В каждой винтовке последний патрон
В рваных шинелях, в дырявых лаптях
Били мы немца на разных путях

Это слова «Песни Максима» из «Боевого киноборника №1» 1941 года.

Думается, что это не вся горькая правда о начале Великой Отечественной войны, унесшей жизни 26,6 млн человек населения России.

Страшное время пережили наши прадеды и деды. Осталось их очень мало. И мы мало их ценим. А ведь ценой их молодых жизней сейчас мы не в концлагере, где при виде немца любой ребенок должен был быстро показать свой номер, написанный на руке. Гитлеровская Германия - это тоже было царство антихриста, царство бесчеловечной злобы. Возможно, репетиция...

Как и всегда в последнее тысячелетие, этому царству злобы противостояла Россия. Она также вставала против татаро-монгол, против французов - против всех сил, хотевших господствовать над миром. Встала, устояла и победила – в рваных шинелях, в дырявых лаптях. И началась эта победа – 6 декабря, в день памяти св. блгв. князя Александра Невского. Началась она под Москвой – сердцем России. Поэтому так важно вспомнить именно эту, первую победу в долгой войне против немецко-фашистских захватчиков.

В нашем Лосиноостровском районе 15 ноября этого года в память о победе под Москвой и в честь 400 бойцов 18-й бригады ВДВ, погибшей в результате взрыва 30 декабря 1941 года, была установлена мемориальная доска в вестибюле станции Лосиноостровская.

Подходя к вестибюлю станции, за спинами гостей столицы, мы, группа верующих из близлежащих районов СВАО, увидели молодых пограничников в красивой форме и белых перчатках, отрабатывавших момент отдания чести и заглядевшихся на свою молодую статью, отразившуюся в стекле вестибюля. Это правда было красиво, они синхронно поворачивались и отдавали друг другу честь, сверкая белыми перчатками.

Пройдя сквозь этот маленький парад на Лосиноостровской площади, мы очутились в небольшой толпе народа и представителей власти. Были совсем молоденькие

суворовцы, были девочки и девушки, мальчики и юноши, женщины, мужчины, бабушки и дедушки - представители всех групп населения во главе с главой Лосиноостровской Управы Лосиноостровской – В.И.Крамаром и главой Бабушкинского муниципального собрания Земенковым М.В.

Мы все вместе, а это теперь бывает очень редко, радовались и скорбели, все хотели что-то сказать и как-то выразить свои мысли, свои чувства. И думается, что хотели и не могли выразить свое понимание единства, глубокого единства как нации, какой-то глубинной общей тектонической платформы всех этих разных людей. А в чем единство? А единство в том, что мы все одинаково понимаем, что отдать жизнь за другого – это хорошо, это правильно. Это – по-нашему, по –русски, по-христиански, хоть большинство и не задумывается об этом. Как говорит Святейший Патриарх Кирилл - земной героизм не может быть без искры Божией.

Среди нас был человек, который это попробовал – отдать жизнь свою за других. И отдал бы, если бы не вышел 30 декабря 1941 года из теплушки набрать снежку в котелок. Его зовут Николай Антонович Ивин.

История «трех отроков в печи» повторялась, наверное, в истории не один раз, и повторилась еще раз в день их поминовения морозным утром 30 декабря 1941 года.

В этот день на подмосковной станции Лосиноостровской взметнулся огненный султан. Если библейская «печь» на 70 локтей вокруг полыхала пожаром, то на ст. Лосиноостровской в полукилометровой зоне огненная стихия снесла дома. На одном из 60 путей станции стоял в числе многих эшелон № 40475, везший бригаду воздушно-десантных войск № 18 , сформированную из новобранцев, на фронт. В результате, скорее всего, диверсии взорвался этот эшелон, из которого солдатам приказано было не выходить.

Дальше началось что-то апокалиптическое – начали взрываться поезда с боеприпасами, да так, что цистерны летали по воздуху. В этой огненной печи и полегла почти вся бригада и еще солдатики из санитарных поездов. Погибли пожарные, погибли железнодорожники, пострадало население пристанционных домиков....

Народ из Лосинки (как и тогда, и сейчас называют ласково эту станцию москвичи) побежал под тучей осколков спасать тех, кого еще можно было спасти. 16 часов гасили пожар и спасали пострадавших. Потом хоронили на Раевском кладбище три дня людей, а точнее, части от людей.

Что произошло – диверсия? Точно не знаем, «дело» об этом происшествии было под грифом «секретно». Тогдашняя русская империя сильно боялась «панических слухов».

Все-таки фамилии погибших бойцов и даже имена были найдены, но позже, гораздо позже. И кем? «Отроком» - Николаем Антоновичем Ивиным, который не сгорел тогда в «печи», потому что нарушил приказ и вышел набрать снежку в котелок.

Предоставим ему слово:» Меня призвали на службу осенью 1941 года в Уральске, городе, основанном казаками. Вместе с группой ровесников, которым еще не исполнилось восемнадцать, и людьми постарше был направлен в 18-ю воздушно-десантную бригаду, формируемую на территории Саратовской области. Наш четвертый батальон располагался в селе Дьяковка (ныне Краснокутского района). Поначалу квартировали в семьях колхозников. Затем оборудовали трехъярусные нары в местной церкви. Изучали парашют, стрелковое оружие, вместе с крестьянами убирали урожай арбузов. Арбузов тогда наелись от души.

В середине декабря нас погрузили в эшелон. На станции Ртищево впервые переодели в военную форму. Ехали в теплушках, с гармонью, песнями. Радовались нашей первой крупной победе под Москвой. (Надо сказать, что гармошка была куплена на те три рубля, которые дала мама Коле Ивину. Больше она не могла дать, потому что была женой врага народа, а у этих жен с работой было плохо. А сын врага народа, как только услышал про войну, побежал «устраиваться» на фронт. Но тогда его на фронт не взяли, а взяли позже, вместе с 60-ю ровесниками. Они и ехали все вместе, в одной теплушке. прим. Автора)

30 декабря 1941 года на рассвете эшелон остановился на одной из станций. Позже, уже в госпитале, я узнал ее название – Лосиноостровская.

Хотя покидать вагоны не разрешалось, спустился на полотно, чтобы набрать снега в котелок. Вернулся, сделал шаг к печке, и в этот момент раздался взрыв сокрушительной силы. Теплушку разнесло в щепки, меня, контуженного, выбросило на рельсы соседней колеи. Начал тушить гимнастерку на груди. У меня сгорели все документы и мамина фотокарточка. От поезда почти ничего не осталось. Видел погибших, раненых, но из-за потери слуха мало что слышал. Меня подхватили под руки женщины, прибежавшие со стороны дачных построек...

А дальше были госпиталь в Воткинске, краткосрочные курсы артиллерийских техников, служба офицером в 910-м артполку 338-й стрелковой дивизии. Победу над Германией встретил в Кенигсберге, а над Японией – в Порт-Артуре.

Судьбе же было угодно, чтобы спустя годы после Победы я стал москвичом и получил квартиру в том самом районе, где в канун 18-летия моя жизнь могла оборваться.

Совершенно случайно узнал, что моих однополчан-десантников, погибших на Лосиноостровской, похоронили в братской могиле на Раевском кладбище, в то время сельском. Я думал, что их похоронили на Бабушкинском кладбище, куда мы с сыном иногда заходили, но оттуда сторож направил нас на Раевское кладбище. Позднее там был сооружен мемориал. На темных мраморных плитах высечены имена 396 человек. Против всех фамилий одна дата гибели – 30 декабря 1941 года. В числе павших вдали от фронта — ребята, с которыми я учился в одной школе,

гонял мяч во дворе...

А о природе того трагического взрыва я до сих пор ничего не знаю».

В этом своем слове Н. А. Ивин не сказал многое: что он, и те, кто выжил в Лосиноостровской, прошед сквозь огонь войны, были многократно награждены орденами и медалями. Хоть происхождение от врага народа не раз мешало наградам достигнуть отважного бойца Николая Ивина.

Что он был директором школы в г. Бабушкине, (на этой территории теперь располагаются несколько районов СВАО г. Москвы), причем самой лучшей школы, передовой. Что он с учениками убирал мусор из храма прп. Сергия Радонежского в Бибирево, когда храм отдали Церкви. И самое главное – что он стал верующим человеком, как и его ныне покойная жена.

Все это пытался нам рассказать Николай Антонович на митинге в честь открытия мемориальной доски, но время, время...

Время сейчас такое, что ни у кого нет времени. Мы все бежим, бежим – куда?

Но хорошо, что многие сбежались на это событие – открытие мемориальной доски. Будем надеяться, что чувство радости испытали не только мы, группа верующих, которые тоже помогали чем могли Лосиноостровской Управе, а в частности О.Ю. Колосовой - зам. главы Управы по социальным вопросам, которая взвалила на свои, отнюдь не могучие плечи, всю организацию этого праздника.

Кажется, что и Председатель Совета ветеранов Лосиноостровского района В.С.Евдокимов был доволен, и другие видные деятели и деятельницы Лосиноостровского и Бабушкинского района имели радостный вид. Мы заметили среди них депутата муниципального собрания Бабушкинского района С.В. Буянова, который много своих трудов приложил к организации праздника 9 мая на мемориале Раевского кладбища. Было много представителей СМИ, благодаря которым многие и многие узнают о нашем таком маленьком и таком большом празднике «со слезами на глазах». И, будем надеяться, не останутся равнодушными к празднику и обратят свое внимание на нужды стареньких, часто глуховатых, часто странноватых старичков и старушек – тех, кто приближали Победу, как могли.

Ананьева Т.Е.